

Н. Грот

**Основания
экспериментальной
психологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Н11

Н11 **Н. Грот**
Основания экспериментальной психологии / Н. Грот – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 56 с.

ISBN 978-5-458-53823-7

ISBN 978-5-458-53823-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Основанія экспериментальной психологіи.

Внимательное изучение психологической литературы за послѣднее пятилѣтіе приводитъ къ убѣжденію, что старая рознь между различными направленіями психологии, метафизическими и опытными, все болѣе и болѣе стуживается и что близится то время, когда мы будемъ имѣть дѣло съ единой *наукой психологіей*, въ которой всѣ частныя направленія въ изученіи психологическихъ проблемъ сольются въ одно русло, и существенныя пріобрѣтенія старой *спекулятивной* (такъ называемой метафизической) психологии въ школахъ Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Канта и др., войдутъ въ органическое соединеніе съ обильными результатами *опытной* изученія душевной жизни, ея явленій и законовъ, въ психологии эмпирической, въ школахъ Локка, Юма, Томаса Рида и ихъ новѣйшихъ преемниковъ.

На первый взглядъ такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ, ибо что общаго, повидимому, между психологіей душевныхъ силъ, способностей, субстанцій, — и психологіей явленій, теоріей ихъ „сосуществованій и послѣдовательностей?“ По весьма еще упорно распространенному мнѣнію, — вѣрнѣе предразсудку, — эти два направленія исключаютъ другъ друга: они всегда враждовали между собою и стремились другъ друга заглушить. Допустимъ однако, что понятіе *психическаго явленія* успѣхами современной научной психологіи будетъ существенно переработа-

но *), и тогда безъ сомнѣнія должно будетъ измѣниться отношеніе между психологіей эмпирической и метафизической. Можетъ оказаться, что и спекулятивная психологія всегда изучала и часто правильно освѣщала такъ называемыя „явленія“ психической жизни, а психологія эмпирическая лишь накопляла новые факты для правильного истолкованія „законовъ“ этихъ явленій и для уразумѣнія ихъ „сущности“.

Несомнѣнно, что и старая эмпирическая психологія въ широкой степени опиралась на нѣкоторую *метафизическую* теорію о непреходимой пропасти между субстанціей и ея явленіями, и тѣмъ самымъ молчаливо признавала бытіе субстанцій внѣ и позади явленій. Если допустить, что это противуположеніе, основанное на неправильной психологіи познанія, отжило свое время и что сама психологія, какъ наука, призвана его устранить и переработать, то станетъ ясно, что чисто метафизическій споръ между психологіей эмпирической и спекулятивной потеряетъ всякое значеніе и что ближайшею задачей *науки психологіи* будетъ, минуя этотъ споръ, заимствовать и ввести въ область матеріаловъ своихъ всѣ тѣ глубокія и вѣрные психологическія наблюденія и обобщенія, которые были сдѣланы великими психологами и душевѣдами всѣхъ вѣковъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали, т.-е. какъ бы они ни разсуждали объ отношеніи субстанціи души къ явленіямъ душевной жизни. Всѣ эти послѣднія разсужденія—метафизиковъ и эмпириковъ — носили гипотетическій характеръ и были обобщеніями приблизительными. Для представителя *науки психологіи* важны въ нихъ не конечные гипотетическіе выводы **), а тѣ факты и наблюденія, которые ихъ вызывали и въ нихъ обобщались. Другими словами, психологическія

*) Такою переработкой заняты многіе психологи нашего времени. См. ниже статью Л. М. Лопатина «Явленіе и сущность въ жизни сознанія» и нашу статью „Жизненные задачи психологіи“ въ кн. IV „Вопросовъ“ (1890).

**) Въ духѣ *спиритуализма, матеріализма и параллелизма*, — *дуализма, монизма* или *плюрализма*.

теоріи суть тоже факты и документы для психологіи, *какъ науки*, и изученіе *исторіи* психологіи есть въ то же время изученіе и путь къ разрѣшенію многихъ существенныхъ психологическихъ вопросовъ.

Переворотъ въ судьбахъ психологіи, о которомъ мы говорили, готовится на почвѣ новаго, *третьяго*, направленія этой науки, которое крѣпнеть и развивается въ наши дни и называется *экспериментальнымъ* *). Экспериментальная психологія не довольствуется непосредственнымъ наблюденіемъ душевныхъ явленій и умственной переработкой наблюденій въ обобщенія и гипотезы, а ставитъ себѣ задачею искусственно направлять эти явленія и сознательно допрашивать природу со стороны психическаго ея существованія и содержанія. Экспериментальная психологія имѣетъ дѣло не съ субстанціями и явленіями, а съ *фактами* душевной жизни и дѣятельности, и факты эти гораздо шире и разнообразнѣе, чѣмъ психическія явленія, съ которыми имѣла дѣло старая эмпирическая психологія **).

*) Весьма замѣчательно, что во всѣхъ трудахъ лучшихъ современныхъ представителей экспериментальной психологіи, въ Германіи, Франціи, Англіи и въ Америкѣ, замѣчается широкая примирительная тенденція по отношенію къ метафизической психологіи. Проблема о душѣ не только уже не изгоняется безусловно изъ опытной психологіи и философіи, но дѣлаются часто попытки новой постановки ея на почвѣ опыта, какъ вообще попытки основанія новой «опытной» метафизики (Ср. Fouillée: *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience*. Paris. 1889. Wundt: *System der Philosophie*. Leipz., 1889). Для психологіи особенно характерны въ этомъ отношеніи, кромѣ извѣстныхъ воззрѣній Вундта, нѣкоторыя главы въ сочиненіи американскаго психолога Джемса: *Principles of Psychology* (1890), а также недавно вышедшее сочиненіе выдающагося американскаго психофизиолога Лэдда: *Philosophy of Mind. An essay in the metaphysics of psychology*. London, 1895.

**) Уже по окончаніи этой статьи и сдачи ея въ наборъ мы получили отъ нашего товарища, А. И. Введенскаго, изданный подъ его редакціей въ С.-Петербургѣ переводъ прекрасной книжки Бине, Анри, Куртье и Филиппа: «Введеніе въ экспериментальную психологію», пер. Е. И. Максимовой, «по тексту, исправленному и дополненному В. Анри для русскаго изданія». Въ этой полезной книжкѣ, на которую мы еще имѣемъ возможность сдѣлать въ корректурѣ нѣсколько ссылокъ, говорится между прочимъ: «Экспериментальная психологія независима отъ метафизики, но она не исключаетъ метафизическихъ изысканій. Сама она не предполагаетъ никакого опредѣленнаго рѣше-

Документы, раскрывающие факты человеческой душевной жизни, весьма многочисленны; они широко и обильно разбросаны вокруг насъ, и мы ихъ еще почти не изучали, не допрашивали,—вся литература человеческая, все искусство, вся наука, религія, философія, всѣ историческія дѣянія людей, ихъ бытъ, нравы и законы, произведенія архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, поэзіи, формы государственной и общественной жизни—все это психическіе факты и документы мышленія, творчества, чувства, воли людей, и мы еще не изучали ихъ *психологически*.

Не изучали потому, что не умѣли изучать, допрашивать, т.-е. психологически экспериментировать *). Всѣ эти психологическіе документы суть созданія человеческихъ *личностей* въ ихъ *единичной* или *коллективной* работѣ. Но умѣли ли мы до послѣдняго времени изучать психологически чужую душевную *личность* въ ея воспріятіяхъ и дѣятельностяхъ, въ переживаемыхъ ею душевныхъ процессахъ, въ ея развитіи, въ ея мышленіи,—въ ея творческой и созидательной работѣ,—въ ея наклонностяхъ, стремленіяхъ и поступкахъ?

Психологъ, не только метафизикъ, но и эмпирикъ старой школы, замыкался въ себя и, чаще всего, со стороны,—иногда урывками, тайкомъ—наблюдалъ ближнихъ, не допрашивая, какъ слѣдуетъ, ни себя, ни ихъ; собирая эти отрывочныя наблюденія, онъ строилъ теоріи и болѣе или менѣе смѣлыя гипотезы, которыхъ не провѣрялъ и не давалъ средства другимъ провѣрить, ибо не сообщалъ обыкновенно документовъ, на основаніи которыхъ дѣлалъ свои выводы.

Задача и основной смыслъ *экспериментальной психологіи* заключается именно въ томъ, чтобы прекратить эту замкну-

нія великихъ проблемъ жизни и духа; сама она не имѣетъ никакихъ стремленій—спиритуалистическихъ, матеріалистическихъ или монистическихъ, она—наука о фактахъ природы и больше ни о чемъ" (стр. 172).

*) Мы разумѣемъ здѣсь, между прочимъ, возможность экспериментировать надъ впечатлѣніями, чувствами и мыслями, которыя возбуждаютъ въ людяхъ созданія мысли и творчества *прежнихъ* поколѣній, и изучать экспериментально процессы мышленія, творчества и др. въ *настоящемъ* ихъ примѣненіи (См. ниже).

тую, скрывающую концы свои, работу самонаблюдения и наблюдения и поставить всё обобщения психологии на почву точного изучения, допрашивания, проверки, какъ это дѣлаютъ другія науки опыта. Значить ли это, что психологія экспериментальная должна навсегда отказаться отъ рѣшенія важнѣйшихъ для человѣческаго духа проблемъ, которыя ставила психологія метафизическая?—Нисколько: проблемы психологии во всей своей своеобразности останутся такими точно, какими онѣ были до сихъ поръ, ибо эти проблемы—не выдумка, а реальный фактъ. Онѣ сами суть *факты психологии чловѣка* и, какъ таковые, подлежатъ изученію и рѣшенію помощью *экспериментальнаго* метода.

Слѣдуетъ ли, далѣе, изъ того положенія, что психологія должна стать экспериментальной наукой, заключать, что ея *методы* должны быть аналогичны методамъ такъ называемыхъ физическихъ наукъ и должны состоять только въ изученіи физическихъ и физиологическихъ условій психическихъ состояній, процессовъ и продуктовъ?—Отнюдь нѣтъ: психическіе факты останутся навсегда особыми, *психическими* фактами, совершенно отличными отъ физическихъ и физиологическихъ, и требующими особыхъ приѣмовъ и методовъ изученія. Психофизика и психофизиологія—только преддверіе *настоящей* экспериментальной психологии, которая будетъ изучать экспериментально чисто психические факты въ ихъ своеобразной природѣ,—какъ факты сознанія, мысли, чувства, хотѣнія и психическаго дѣйствія. Въ этомъ направленіи уже работаютъ многие представители экспериментальной психологии на западѣ, изучая, наприм., *экспериментально* процессы воспріятія, памяти, ассоціаціи идей—въ ихъ психическомъ содержаніи и отношеніяхъ, независимо отъ сопровождающихъ ихъ физиологическихъ процессовъ. Вѣдь и физиологія своеобразно изучаетъ нѣкоторые физиологические процессы, независимо отъ химическихъ и физическихъ моментовъ, которые въ нихъ входятъ.

Это не значить, что психологъ долженъ быть невѣждою въ физиологии и анатоміи организма. Не слѣдовало бы въ

наше время ни одному образованному человеку, а темъ болѣе ученому, да еще психологу, пребывать въ невѣдѣніи относительно строения и функций человѣческаго и вообще животнаго организма. Элементы анатоміи и физиологіи, какъ и всѣхъ прочихъ естественныхъ наукъ, должны скоро стать предметомъ общаго образования. Темъ не менѣе, задачи экспериментальной психологіи существенно шире задачъ психофизиологіи и психофизики, и послѣднія могутъ входить въ составъ первой только какъ части, составляя переходную область между „экспериментальной физиологіей“ и „экспериментальной психологіей“. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ, необходимо разобрать своеобразныя черты психологическаго наблюденія и психологическаго эксперимента—въ отличіе отъ физическаго наблюденія и эксперимента.

II.

Психологическое наблюденіе, на какой бы ступени оно ни стояло, на какой бы объектъ ни обращалось, есть прежде и главнѣе всего *самонаблюденіе*, но не въ смыслѣ стараго приема *самосозерцанія нашего „я“*—въ отвлеченныхъ его свойствахъ, способностяхъ и отрѣшенной отъ вещества субстанціальности, а лишь въ томъ смыслѣ, что отдѣльные психическіе факты въ ихъ собственно *психическомъ* содержаніи, какъ факты ощущенія, представленія, чувства, хотѣнія и проч., даны только *самосознанію* и никакими внѣшними чувствами наблюдаемы быть не могутъ. Внѣшними чувствами мы можемъ наблюдать только *проявленія и выраженія* душевныхъ состояній, а не самыя эти состоянія, которыя, какъ таковыя, даны только въ самосознаніи каждаго субъекта. Въ этомъ основномъ положеніи согласны между собою всѣ современные психофизиологи запада и всѣ представители психологіи экспериментальной. „Наши ощущенія, эмоціи и желанія представляютъ наше личное достояніе, доступное только намъ самимъ“ (Бине, стр. 185). Да едва ли такая элементарная истина и можетъ возбуждать какія-либо сомнѣнія и разногласія.

Поэтому, если мы дѣлаемъ наблюденія надъ чужою душевною жизнью по ея выраженіямъ и проявленіямъ, то съ процессами этой душевной жизни можемъ знакомиться только въ той степени, въ какой мы одарены способностью *симпатически переживать сами*, реально или ideally (помощью воображенія), эти чужія душевныя состоянія. При этомъ, какъ мы увидимъ далѣе, для постановки такого изученія чужой душевной жизни на почву экспериментальную, весьма существенно, если не безусловно необходимо, добровольное и сознательное *участіе въ экспериментѣ* другихъ лицъ, душевная жизнь которыхъ изучается, — участіе, выражающееся въ сообщеніи ими экспериментатору, тѣмъ или другимъ способомъ, *своихъ самонаблюденій*. Всѣ науки естественныя, до физиологіи включительно, наблюдаютъ и изучаютъ факты природы при помощи внѣшнихъ чувствъ, преимущественно-же зрѣнія. Но видѣть факты психическіе невозможно, ибо они не имѣютъ никакихъ пространственныхъ очертаній, никакихъ физическихъ формъ, цвѣтовъ и другихъ подобныхъ свойствъ. Поэтому психическіе факты доступны наблюденію только путемъ *внутренняго чувства*, называемаго самосознаніемъ, и могутъ быть изучаемы только при участіи самонаблюденія. Доступныя-же внѣшнимъ чувствамъ выраженія ихъ въ движеніяхъ, мимикѣ, словѣ, письменахъ и иныхъ знакахъ, суть лишь *символы*, толкованіе которыхъ неизбежно въ извѣстномъ смыслѣ субъективно, т.-е. основано опять на самонаблюденіи нашемъ, на наблюденіи нами въ себѣ душевныхъ состояній, которыя мы *сами* переживаемъ по поводу этой символики чужихъ душевныхъ состояній, непосредственно намъ недоступныхъ. Отличіе экспериментальной психологіи отъ простой наблюдательной заключается въ томъ, что для устраненія субъективности въ толкованіи чужихъ психическихъ состояній мы прибѣгаемъ къ показаніямъ и свидѣтельствамъ *самыхъ лицъ*, ихъ переживающихъ, такъ что самонаблюденіе изъ единичнаго становится *коллективнымъ*. Свое самонаблюденіе мы *проверяемъ* самонаблюденіями другихъ людей и, искусственно вы-

зывая въ цѣломъ рядѣ субъектовъ (съ ихъ собственнаго согласія) тѣ или другія психическія перемѣны, явленія и процессы, изслѣдуемъ—на основаніи ихъ показаній—составъ, взаимную связь и причинную зависимость душевныхъ фактовъ *). Таковъ общій смыслъ и таковы общія особенности психологической экспериментации. Разсмотримъ теперь подробно элементы, которые въ нее входятъ.

Первымъ и главнымъ элементомъ ея, какъ мы уже показали, является *самонаблюденіе*. Спрашивается: можетъ ли самонаблюденіе быть орудіемъ точнаго и объективнаго изученія психическихъ состояній и фактовъ? Со времени Огюста Конта многие естествоиспытатели и представители точной науки повторяютъ банальную фразу о недостоверности (субъективности) и даже невозможности самонаблюденія. *Недостоверно*—де оно потому, что когда субъектъ наблюдаетъ *самоу себя*, а не природу внѣ себя, то неизбежно вносить въ толкованіе душевныхъ состояній свои субъективныя (индивидуальныя) особенности, состоящія въ извѣстномъ индивидуальномъ складѣ представленій, понятій, чувствъ, стремленій, склонностей, вѣрованій и проч. *Невозможно же* оно потому, что въ сущности, когда въ сознаніи что-либо происходитъ, то все вниманіе сосредоточено на переживаемомъ душевномъ состояніи и мы не можемъ его наблюдать иначе, какъ по воспоминанію, такъ какъ если перенесемъ центръ тяжести сознанія на это наблюденіе, то наблюдаемое состояніе исчезнетъ или такъ ослабѣетъ, что уже точное воспріятіе его, какъ реальнаго факта, станетъ невозможно. На этихъ софизмахъ, весьма напоминающихъ древніе софизмы элейца Зенона о летящей стрѣлѣ и объ Ахилесѣ и черепахѣ, направленные „противъ реальности движенія“, основано несправедливое недоверіе къ самонаблюденію, какъ органу познанія душевныхъ состояній.

Если добросовѣстно *психологически* разобрать элементы

*) О коллективномъ или сравнительномъ самонаблюденіи см. у Бине стр. 156, 158 и слѣд.

внѣшняго наблюденія и самонаблюденія, то вопросы о степени достовѣрности, объективности и возможности того и другого придется рѣшить не только въ смыслъ равноправности обоихъ способовъ изученія дѣйствительности, но даже въ смыслъ нѣкоторыхъ существенныхъ преимуществъ самонаблюденія.

Въ области внѣшняго чувства и основаннаго на немъ наблюденія физическихъ явленій возможны тоже ошибки, происходящія отъ иллюзій чувствъ, а также совершенно субъективнаго или предвзятаго толкованія воспріятій. Вообще необходимо сознать ясно и разъ навсегда, что *субъективность* и *объективность*—свойства ума, а не воспріятія, что онѣ наступаютъ *только* съ момента *толкованія* воспріятій, т.-е. отнесенія ихъ къ объектамъ, которые суть лишь представленія, составленныя изъ другихъ воспріятій, и соотнесенія отдѣльныхъ воспріятій другъ съ другомъ. Еще Давидъ Юмъ полтора ста лѣтъ тому назадъ совершенно правильно утверждалъ, что возможность заблужденія всецѣло лежитъ въ операціяхъ мысли, а не внѣ ея, т.-е. въ возможности неправильнаго отнесенія идей къ впечатлѣніямъ, съ которыми онѣ не имѣютъ ничего общаго, и обратно. Сами по себѣ, и ощущенія, и представленія, и идеи, какъ психическіе факты, всѣ одинаково реальны и истинны. Субъективность сводится къ неправильному толкованію отношеній между ними и причинами, ихъ вызвавшими,—подъ вліяніемъ извѣстныхъ чувствъ, склонностей и вообще индивидуальныхъ особенностей душевнаго склада наблюдателя и истолкователя. Но эта субъективность въ равной мѣрѣ возможна при толкованіи и *внѣшнихъ*, и *внутреннихъ* воспріятій, и если мы, благодаря логическимъ свойствамъ и законамъ нашего ума, способны отрѣшаться отъ нея въ толкованіи внѣшнихъ воспріятій, то въ той же мѣрѣ можемъ быть объективны въ анализѣ и въ истолкованіи внутреннихъ воспріятій. Въ психологіи личный интересъ можетъ даже иногда содѣйствовать точности и глубинѣ самонаблюденій *).

*) Ср. Бине. „Введ. въ эксперим. психологию“, стр. 161: „Мы выдвигаемъ на первый планъ, по ихъ значенію, такія самонаблюденія, которыя произво-

Что же касается до *возможности* точного „самонаблюдения“, то она доказывается самою возможностью точного „наблюдения“, ибо всякое наблюдение есть прежде всего форма самонаблюдения. Вѣдь мы можемъ наблюдать міръ только сквозь призму своихъ *ощущеній*, т.-е. наблюдая свои ощущенія, какъ *душевныя* состоянія, вызываемыя внѣшними намъ событиями и перемѣнами. Мы познаемъ въ *ихъ* качествахъ и отношеніяхъ міръ и его явленія. Если мы, при этомъ, умѣемъ точно различать и отождествлять свои ощущенія, какъ показатели и символы внѣшнихъ фактовъ, то только въ силу способности нашей къ точному и отчетливому самонаблюдению. Наблюдая что-либо: химическое вещество или процессъ, физическое явленіе, предметъ неодушевленный, растение, животное, органическую клѣтку въ микроскопъ и проч., мы наблюдаемъ *только свои ощущенія*, т.-е. непрерывно *самонаблюдаемъ*, и если мы не замѣчаемъ, что имѣемъ при этомъ дѣло съ двумя различными фактами—своимъ *психическимъ состояніемъ*, которое направляемъ, изменяемъ и регулируемъ, и его *содержаніемъ*, какъ символомъ внѣшнихъ событий,—то это происходитъ отъ непривычки анализировать свои психические процессы. Но если такъ, то — есть если никакое наблюдение не обходится безъ самонаблюдения, то почему самонаблюдение возможно и можетъ быть точно, только когда оно имѣетъ объектомъ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ? Очевидно, что коренная способность „точного объективного самонаблюдения“ должна простирается и на воспріятіе нами нашихъ представлений, чувствованій, эмоций, стремленій, какъ объективныхъ фактовъ внутреннего опыта. Намъ говорятъ, что для психологическаго самонаблюдения нужно постоянное *раздвоеніе сознанія и вниманія*. Но способность такого раздвоенія есть именно *основное свойство* нашей „психики“, какъ говорятъ натуралисты, т.-е. нашего сознанія, ума, души, — какой бы

дятся какимъ-либо лицомъ въ видахъ его личнаго интереса, напр. самонаблюдения въ формѣ признанія или исповѣди, дѣлаемой врачу, священнику, начальнику(?)“.